

**Архаизмы, историзмы и религиозная
лексика в калмыцком языке
(на материале романа А. Бадмаева «Аризлын гүүдл»)¹**

В калмыцком языке есть слова, лишь частично устаревшие относительно своей формы и содержания. Устаревшая лексика (архаизмы) – это слова или выражения, которые в настоящее время не употребляются в языке. Можно выделить пласт архаичных слов по их семантике, т. е. семантические архаизмы. Так, общеизвестно значение слова *мендлх* «здороваться, приветствовать», хотя его второе значение «рождаться» в настоящее время забыто. Известно, что *бадм* – «лотос», но редко кто знает, что слово еще означало «шапочка духовного лица». То же самое можно сказать и о других словах, к примеру, *шинжс* – «признак, предмет», но сейчас совершенно неизвестны другие его значения: «ушко стремени» и «мера в десять пригоршней».

Другую группу архаизмов составляют слова менее употребительные, чем выше названные: *көйнэ* «древнее монголо-ойратское письмо», *кевтул* «войско ночной охраны», *турицул* «передовой отряд войск».

Историзмы так же, как и архаизмы, или устаревшие слова, в необходимых случаях употребляются в современном языке. Так, в исторической литературе они широко используются при описании прошлых событий, когда приходится называть ушедшие от нас предметы и явления действительности. Но при этом историзмы должны быть использованы именно в том значении, в каком они бытовали ранее. Несоблюдение этого требования ведет к искажению факта самого события, о котором идет речь [1, с. 73–74].

В связи с теми или иными переменами, которые происходят в жизни общества, расширением взаимоотношений между странами, развитием материальной и духовной культуры, в языке того или иного народа, в том числе и калмыцкого, хотя и медленно, но постоянно протекают два

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 10-04-36402 а/Ю.

процесса: выпадение из живой речи отдельных слов и выражений и появление новых слов.

В калмыцком языке есть слова, которые давно вышли из употребления, и никто из современных носителей языка, за исключением специалистов, занимающихся изучением истории языка, не знает о том, что они когда-то содержались в словарном составе языка. Например, *отрч* «охотник», *ходль* «стрела с наконечником», *дулвс* «охотничий барабан с бубенчиком», *зелм* «напиток», *нав* «ручные кандалы».

Часть архаизмов известна только узкому кругу лиц – людям пожилого возраста. К ним относятся слова, отражающие старые обряды, быт прошлого и другие стороны жизни носителей языка, например, *көшиг* «мелко-нарезанный» (о мясе), *тунжур* «отборная лошадь», *көвч* «тетива» (лука), *цавдх* «окроплять святой водой». Сюда можно отнести целые тематические группы слов, например, термины дальнего родства: *хуланцг* «прапрадед», *саланцг* «дед в третьем колене», *теленцг* «дед в пятом колене», *жэиликнр* «праправнук»; названия предметов бытового обихода: *хурми* «кусочек старого войлока»; названия молочной пищи: *доладг* «молочное блюдо для детей» (творог, размешанный в молоке) от *долах* «лизать», *шарваде* «молочная закись, кипяченая в молоке».

Иногда названия предметов устаревают и постепенно выходят из оборота речи, несмотря на то, что сами вещи продолжают еще бытовать, получив уже иное наименование. Примеров архаизмов этого рода в калмыцком языке можно привести немало. Так, в приведенных ниже парах первые слова, когда-то употреблявшиеся в старину, позже заменены новыми словами: *жалан* «грязь» – *кир*, *окн* «девушка» – *күүкн*, *мошкл* «каблук» – *давхр*.

Многие слова, входившие в состав устаревших слов, в связи с переменами в жизни народа вновь возвращаются в активный словарь. В калмыцком языке к таким словам можно отнести следующие религиозные термины:

1. Наименования лиц, занимающихся религиозной деятельностью: *лам* «лама, буддийский монах, высшее духовное лицо, наставник, учитель», *баши* «настоятель монастыря», *хувргуд* «буддийская община, монахи», *гелн* «гелюнг, духовное лицо», *гецл* «гецул, духовное лицо», *манж* «поплушник, ученик» и др.

2. Названия божеств: *бурхн* «божество», *бодьсад* «бодхисаттвы, представители одного из рангов иерархии в буддийском пантеоне», *Бурхн баши* «Будда Шакьямуни», *Цаһан аав* «Белый старец (хранитель богатства и изобилия, счастья и семейного благополучия)», *Ноһан Дэрк* «Зеленая Тара», *Цаһан Дэрк* «Белая Тара», *Очр-Вань* «Очирвани» («Ваджрапани»), *Зуңква Гегэн* «Цзонхава», *Мэәдр Гегэн* «Майтрейя» [2] и др.

3. Названия религиозных символов, атрибутов, сооружений: *санср* «сансара, круг перерождений, круговорот бытия»; *хурл* «монастырь»; *хурла гер* «молельный дом», *суврһн* «ступа», *очр* «скипетр», *хоңх* «колокольчик», *цөгц* «жертвенная чаша», *эрк* «четки (состоят из 108 малых шариков, четырех шариков большего размера и одного большого, изображающего гору Сумеру, четками пользуются при любых обрядах)»; *бу* «амулет (делают из бумаги или материи, на которые наносят молитву, заклинание, защищает хозяина от злых духов, сглаза, болезней, обеспечивает долгую жизнь)»; *зэңгдэ* «красная или желтая ленточка с узелком, выполняет функцию амулета (оберега)»; *тэрд* «мантра», *күрд* «кюрге (молитвенный цилиндр)», *аршан* «целебная вода [3, с. 52], *мирд* «мирде, амулет, талисман», *цаң* «ритуальные литавры», *бүрэ* «труба» (входит в состав хурульного оркестра), *күжс*, *саңгин идэн* «благовония», *дуң* «ракovina», *маань* «мани (название одной из буддийских молитвенных формул)».

В убранстве хурулов, молельных домов преобладают желтые и красные цвета. На стенах, алтарях расставлялись культовые атрибуты, колонны окрашивались в темно-коричневый цвет, украшались калмыцким орнаментом, который состоял из изображений, связанных с этнической символикой, росписи наносились золотом и красками. Росписью хурулов занимались *зурхачи* «иконописцы». Своеобразие и художественная выразительность калмыцких храмов были обусловлены органичным синтезом архитектуры, скульптуры и живописи. В культовых зданиях ойратов и калмыков были традиционны монументальная живопись и скульптура, украшавшие фасад и интерьер [4, с. 20–23].

Так, среди архаизмов, вновь вошедших в повседневную жизнь, можно обнаружить ряд названий обрядов общественного и семейного характера. Очаг у калмыков – символ семейного благополучия, богатства и жизни. С очагом связан религиозный обряд – *һал тээх* (*һалын тэкл тээх*) «совершать обряд жертвоприношения огню». Существуют также обряды: *ова тэх* «проводить религиозный обряд на кургане (*ова* «обо», сопка, где совершают религиозный обряд) [3, с. 391], *булг тэх* «проводить религиозный обряд на роднике». Для исполнения этих обрядов подносили дары, преподносили скот в жертву (*тэклд мал бэрх*).

Особое место среди устаревших слов занимают историзмы, которые в большинстве своем обозначают предметы и явления прошлой общественной, политической и культурно-бытовой жизни. Однако было бы неверным считать их устаревшими окончательно, т. е. вышедшими из употребления навсегда. Историзмы в современном языке имеют место, но их употребление ограничено различными жизненными обстоятельствами. Обычно они появляются в языке тогда, когда разговор заходит об исторических

фактах, значительно отдаленных от нас во времени. При этом самих предметов и явлений в настоящее время как таковых может не быть вообще: *мухлач* «крепостник»; *урядник* «урядник»; *цахр* «поселок батраков»; *кееда* «бедняк-сезонник»; *боһл* «раб»; *чиңэ* «посох»; *тээжэ* «князь, дворянин»; *зарц* «лакей»; *цаһан яста улс* «дворянское сословие» (букв. «люди белой кости»); *хар яста улс* «чернь, люди «низкого» сословия» (букв. «люди черной кости») [1, с. 70–73].

В данной статье проанализированы устаревшие слова и словосочетания, которые не вошли в «Калмыцко-русский словарь» 1977 года издания и не употребляются в настоящее время, религиозная лексика и историзмы на материале романа А. Б. Бадмаева «Бег Аранзала» (Арнзлын гүүдл) [5].

В романе встречаются такие устаревшие слова и выражения, к которым даже в контексте трудно подобрать значение и дать точный перевод:

а) *цаглань услвр эс кехлэ, эн миңһн гектарасн чигн күнд кергтэ малын күмс авч чадхн угавидн* (с. 5) «если не будем вовремя поливать, то и из этой тысячи гектаров мы не сможем получить нужное количество корма для скота»; *зуг мана тэрмр өвсн ниднэк болн урзнак урһцас баһар яһад һарчахмби* (с. 7) «но почему наши засеваемые травы всходят хуже, чем прошлогодние и позапрошлогодние»; *кемр эн услврин участкд шинэс һазр немдг арһ уга гихлэ, һувлмудар хавртнь цандгин ус цуглулад боодг кех кергтэ* (с. 8) «если скажут, что нет возможности заново добавить земли на этот поливной участок, то весной ... нужно собрать воду из луж и сделать водохранилище»; *пө, пө!* (с. 10) «эх, эх!»; *ээмднь күргэд хээчлсн чотл хар үснь* (с. 12) «ее до плеч отрезанные ... черные волосы»; *йир будгта, ярлхг заңта күүкн* (с. 18) «очень капризная, с ... характером (нравом; поведением) девушка»; *бүр-бүр хур дүсэржэ орад зогсхи* «не останавливаясь моросит мелкий дождь»; *өвгнэ чирэнь цэгһэд цемэжэ оджэ* (с. 24) «лицо старика побледнело»;

б) словосочетания: *альмн товльцта буурл унһн тохмта бээжэ кевтэ* (с. 8) «видимо, он был из породы пятнистых чалых жеребцов»; *дэкэд герчл цааснь министерствд бээх* (с. 10) «еще подтверждения имеются в министерстве»; *мөңг эгч-күргн ахм илгээж гинэд санжсалав* (с. 29) «думал, что деньги послал старший зять (?)»; *чеежнь сонрад одв* (с. 31) «в его душе посветлело»; *хусур-маажур селвг* (с. 34) «едкий (язвительный) совет»; *чини хусур-маажур үг соңсхар бээхши* (с. 182) «твои язвительные слова не собираюсь слушать»; *шим халунд тоорм-тооснд даргдх* (с. 4) «в такую жару они будут полностью в пыли»; *засгһһна төр-үүл даажсах улст тернь ил медгджэна* (с. 6) «людям, которые вершат правосудие, это совершенно ясно»; *тиигхлэ, хажһр-чик болв чигн урдк хаалһар эндр көдлэж болиго* (с. 9) «тогда, хоть правильно это или неправильно, работать так, как раньше

нельзя»; *альвн-дольвн биич* (с. 16) «быстрый, шустрый танцор»; *терүндэн зөв-арһан келх* (с. 21) «сказать ему о своей правоте»; *көвүнэ болн чини бээдл-жирһл сурад-соңсад йовлав* (с. 45) «я спрашивал, узнавал о вашей с сыном жизни»; *Муутл келхлэ, тер бир тэвэд уульв* (с. 188) «когда Мутл сказал, она вдруг разрыдалась»; *нертэ-тууртэ кун* (с. 34) «известный человек»; *Корса бидн хойр сө дүлэд йовхвидн* (с. 51) «мы с Корсой пойдем глухой темной ночью»; *хөмөстэ күүктэ* (с. 45) «с двухлетней дочерью»; *дуд цаһан чирэтэ* (с. 204) «с очень белым лицом»; *сээхлдэ* (с. 280) «красавица, красотка»; *чивхл цогцта унһд* (с. 226) «жеребята со ... статью»; *залушгар күүнднэвидн* (с. 229) «разговариваем по-мужски»; *хуучн-саачн* (с. 275) «старье»; *чирэнь тиньгр, тооһач, таалта күүндврэч болжс һарв* (с. 306) «оказался жизнерадостным, гостеприимным и приятным собеседником»; *наадк малмудан Хар һазрур цовһнд йовулв* (с. 360) «остальной свой скот отправил на Черные земли».

Слова и словосочетания, относящиеся к религиозной терминологии, часто встречаются в романе А. Б. Бадмаева: *Бурхн-шагнд эс иткдгс болв чигн* (с. 17) «Хоть и не является приверженцем буддизма»; *бурхна өршэңгү* (с. 17) «божья милость»; *һаран теңгрт күргх* (с. 18) «воздеть руки к небу»; *Дэрке, Дэрке, Дэрке, ю келжэхмчи?* (с. 54) «Боже, мать Тара, что ты говоришь»; *Бурхн үзх, бурхн үзх, бийиннь арһ хээжс бичсн угав!* (с. 56) «Бурхан видит, бурхан видит, я это писал не ради себя!»; *О, хээрхн! Олн бурхд минь! Эн чини келсн үг күцх болтха!* «О, хайрхан! Множество моих бурханов, пусть твои слова исполнятся!»; *О, хээрхн! Олн бурхд минь! Ээжс-аав минь! О, хайрхан! Множество моих бурханов! О, мои предки!»; сүзглх «веровать, быть набожным, религиозным», таралңс «рай», оркмжс «религиозное одеяние», Бурхн-багшит зальврх «молиться Будде Шакьямуни».*

Историзмы, встречающиеся в романе А. Б. Бадмаева: *харчуд* «простолюдины»; *хан* «хан, царь, монарх»; *нойдуд* «нойоны» (представители высшей аристократии, князья); *зээсңгүд* «зайсанги»; *бээшң* «дворец»; *өргэ* «палата, ставка, юрта (высокопоставленного лица)» [3, с. 423]; *сөвң* «слуга»; *орс цаһан хан* «русский царь»; *кө-хуйг* «панцирь, кольчуга»; *ах түшмл* «старший сановник»; *көтчир* «личные слуги»; *богд-тэгишэ хан* «святейший наместник хана»; *хан-тэгишэ* «наместник хана»; *харулч* «стражник»; *кувцнрин ямдачнь болв* «стал на службе у купцов».

Займствования в составе историзмов можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся слова, подвергшиеся значительному фонетическому изменению. Например, *кувц* «купец», *мишиг* «мешок», *тарлк* «тарелка».

Вторая группа – это слова, появившиеся в период советской власти: *парторг* «парторг»; *комсомольск организацин сеглэтр* «секретарь

комсомольской организации»; *коммунистнр* «коммунисты»; *партбюро* «партбюро»; *кулак* «кулак».

Чем ближе к нашей действительности разворачивается действие романа, тем больше заимствований, свидетельствующих о быстром росте благосостояния, техники и т. д. Эти заимствования подверглись незначительному изменению – в большей степени усечению [6, с. 151], например, *дала трактор-машид бээһэ бээтл* (с. 8) «когда имеется много тракторов-машин»; *министерствин архивэс хөрн жилэ тооцан-отчет авч хэлдэвүв* (с. 9) «взял посмотреть отчеты из архива министерства за последние двадцать лет».

На основе проанализированного иллюстративного материала можно сделать следующие выводы: устаревшие слова и словосочетания, встречающиеся в художественных произведениях на калмыцком языке, приближают нас к культуре, помогают лучше ознакомиться с бытом, укладом жизни наших предков; в «Калмыцко-русском словаре» 1977 года издания охвачены не все слова калмыцкого языка и их значения; в настоящее время в республике идет возрождение религии, и в связи с этим религиозная лексика вновь становится неотъемлемой частью повседневной жизни калмыцкого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 153 с.
2. Омакаева Э. У. Хальмг зурха (Калмыцкая астрология. Календарь). Элиста, 1995. 128 с.
3. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
4. Батырева С. Г. Старокалмыцкое искусство. Альбом. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.
5. Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл (Бег Аранзала). Роман: на калмыцком языке. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 365 с.
6. Монраев М. У. О некоторых языковых особенностях романа А. Балакаева «Золотая Бумба» (Алтн Бумб) // Современный литературный процесс и литературная критика в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977. 160 с. С. 147–153.